Если творчество — распахнутые настежь окна в мир, то письма — форточка в личную жизнь. Какое удовольствие читать хорошие, умные, добрые письма Арама Хачатуряна, чье столетие по решению ЮНЕСКО будет отмечаться в этом году. Нет авторского позерства, проистекающего от работы на «экспорт», от расчета на публичную огласку, но есть непосредственность, обыкновенная человеческая слабость и неподдельный восторг.

Я читал письма вовек незабвенного композитора Арама Ильича Хачатуряна и диву давался: когда он успевал столь часто общаться с друзьями, родными и коллегами и при этом для каждого из адресатов находил нужные и точные слова, не гнушался чисто восточной церемониальности, не скрывал своей радости от чужих удач...

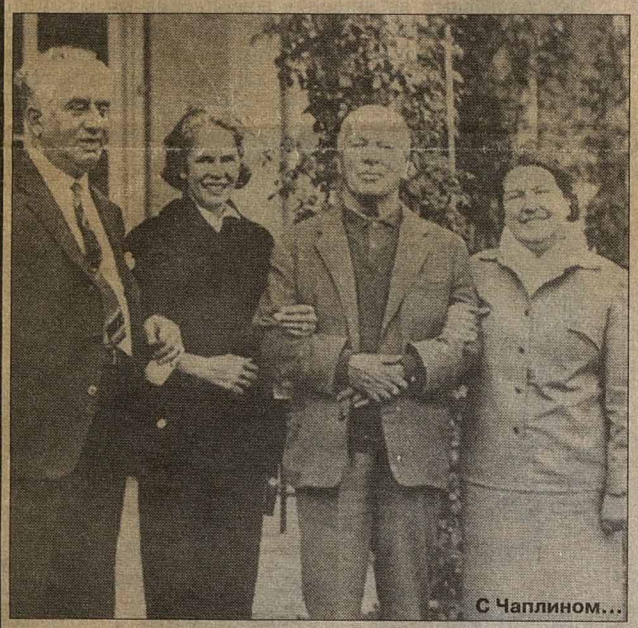
Да, письма — форточка в частную жизнь. Но и как бы боковое зеркальце общества.

Дороги нравственные уроки маэстро, они дают ответы на некоторые трудные вопросы: что значит быть сыном Отечества? в чем больше худосочности — в национально-ограниченном или космополитичном? какие темы родные и какие неродные? столь ли важно правило — мастер, воспитай ученика? как отличить оригинальность от заносчивости?

Нет, хачатуряновские письма — не чужие письма. Писал он, конечно, не для истории и навряд ли предполагал, что эти исписанные второпях листочки станут предметом исследований, будут собраны под обложкой или выставлены в доме-музее собственного имени. Однако ж это так. И великим следует помнить о благодарной любознательности потомков и не небрежничать в эпистолярном жанре

Подробности мелодий в письмах великого композитора

АРАМ, КАК МНОГО В ЭТОМ ЗВУКЕ



С Чаплином...

...с Хемингуэем

«Е.П. БОРИСЕНКО, Л.В. ХАЧАТУРЯН. Сентябрь, 1957 г.

Дорогие Лена, Леля!

Пишу в спешке. Нахожусь в Буэнос-Айресе — Аргентине. Завтра еду в Бразилию. Эта поездка — тысяча и одна ночь. Уже свыше двух месяцев мы в Южной Америке. Концерты проходят феноменально, аншлаги. Сумасшествие. Последний концерт, аудитория — 25 тысяч человек.

Был в Уругвае. Успех грандиозный. В Бразилии будем месяц. В Москву вернемся в ноябре. Будем в Париже, потом в Праге на премьере «Спартака».

*Сил нет. Я падаю. Язва болит. Тысяча людей хотят меня видеть. Расспросите этого человека обо мне. Армяне **сошли с ума**. В гостинице с утра находился народ. Слезы, радость, рукопожатия, банкеты, цветы — в общем, мы качаемся и падаем. Но все это приятно и интересно. Волнуюсь за дом, за Реника, за московские дела. Соскучился по дому, по Москве. Здесь армяне мне очень помогают во всем. Их помощь значительно облегчает мое существование. Ну дорогие, все это рассказать и описать — нужны дни и часы. Пришли, нет времени.*

Крепко вас целую.

Нина вас целует, она очень устала.

Ваш Арам».

«Г.А. ОВАНЕСЯНУ. Август, 1949 г.

...Боже мой — сколько пишут дряни! А как спекулируют темой! Берутся за великие темы и идеи те, кто не имеет на то никакого права. Даже те художники, которые зарекомендовали себя как честные творцы, некоторые из них заблуждаются, думая, что требование народности — это значит «простота», т.е. упрощенчество. Великие творения прошлого были простыми в своей гениальности, были насыщены огромным мастерством и необыкновенной нужностью их действительности, т.е. были актуальными».

«Э.С. ОГАНЕСЯНУ. 8 сентября 1949 г., Москва

...Как композитор Дебюсси крупнее Равеля, хотя мне ближе Равель. ... «Болеро» Равеля может быть книгой по инструментовке — там все есть. А музыка статичная — длиннющая и прекрасная тема повторяется 19 раз, только оркестровые краски меняются.

...Чайковский — гений из гениев, один из моих самых любимых композиторов. Его оркестр так же оригинален и прекрасен, как все в его творчестве. Если говорить аналитически, профессионально, то надо сказать, что у Чайковского никогда не бывает колористического оркестра ради колорита. У него тембры существуют для выражения существа музыки. Оркестровые эффекты не привлекают Чайковского. У него все исходит от глубины его музыки».

«Г.М. ЧЕБОТАРЯН. 3 июля 1970 г., Москва

...Вы только в конце говорите о том, что я учился у Мясковского, Прокофьева и Шостаковича... Комитаса и Спендиарова. Конечно, Комитаса и Спендиарова я не миновал и не мог бы пройти мимо, но Мясковский и Прокофьев даже фактически были моими учителями. У Мясковского я был в консерватории и в аспирантуре, а у Прокофьева я был в так называемом «майстершуле». Но дело даже не в формальном моменте. У них я действительно многому научился. С ними я постоянно общался и вел интересные беседы о творчестве, о современной музыке и о том, что мы называем хорошей музыкой.

У Шостаковича, конечно, тоже я многое познал, но постольку, поскольку мне возможно было у него взять. Я имею в виду, что творчество этого великого композитора я понимаю, высоко ценю, но его приемы совершенно чужды моим идеалам. Я это говорю не в осуждение, а наоборот. Хорошо что мы контрастны друг другу».

«И.Г. КЕВОРКОВУ. 17 октября 1965 г., Москва

...Я лежал в больнице, в Женеве. За мной очень ухаживали, уделяли много внимания — я выздоровел. Между прочим, я там познакомился с Чарли Чаплином, был у него дома, пригласил его в Москву, он дал согласие приехать. Во время болезни в больнице я получил свыше 250 телеграмм и писем с пожеланием мне выздоровления. Среди них Чарли Чаплин, Артур Рубинштейн, Ансермэ и другие. В Женеве мне также уделяли внимание, и среди них два армянина, которые приехали из Адисс-Абебы, едут к католикосу на десятилетие его избрания католикосом. Один из них имеет просьбу, которую я прошу тебя выполнить. Надо ему дать две лозы или две ветки эчмиадзинского винограда. Он хочет повезти это в Женеву (у него намерение переехать в Женеву) и посадить там у себя во дворе. Причем надо выбрать сорт, который скоро созревает, и еще одну ветку белого винограда, а другую — черного винограда.

Я считаю, что эту патриотическую просьбу надо выполнить. Кроме того, мне кажется, что он очень порядочный человек».

«М.А. АРУТЮНЯН. 14—18 ноября 1965 г.

...В Женевской консерватории оказались рукописи Римского-Корсакова, Лядова, Глазунова. По моей просьбе мне дали микрофильмы этих рукописей.

Вместе с Ниной и Кареном посетили в Лозанне Чарли Чаплина. Очень интересная была встреча. Жалко, языка не знали. Нина немного говорила по-французски, а он не знает французского языка. Жена и дочери ему переводили. Он был очень мил и гостеприимен. Был смущен и старался чем-нибудь нас занять. Мы его пригласили в Москву. Он принял приглашение и на фотографии, подаренной Нине Влад., написал: «Следующая встреча в Москве».

Вытащил пластинку моего концерта в исполнении Ойстраха, под моим управлением — Лондонский филармонический оркестр. Запись в Лондоне. Попросил ему надписать. Есть интересные фотографии. Я очарован им и его скромностью».

Почти день я провел в доме-музее Арама Хачатуряна, читая неопубликованные письма, знакомясь с экспонатами, слушая записи его сочинений. Здесь приведена малая толика эпистолярного наследия Арама Ильича, состоящего из сотен писем, собранных доктором искусствоведения Маргаритой Гавриловной Арутюнян и неутомимым директором музея Гоар Агасиевной Арутюнян. Некоторые письма в оборот вводятся впервые, другие либо не были опубликованы в российской печати, либо представлены фрагментарно.

Естественно, письма лишь дополняют творческий портрет национального гения, делают его как бы домашним, приближая до расстояния тихого, теплого слова. А он и был таким — очень уютным, уравновешенным, чурающимся маргиналов, отчего-то видящих золотую середину в собственных крайностях.

Он любил жизнь потому, что любил друзей. А иначе зачем любить жизнь? За шашлык с вином (хотя готов признать за этим блюдом определенный стимул)? За кресло с вертушкой? За то, что... Да и вообще, согласитесь, жизнь в миллион и еще один раз шире, нежели материальные блага в самом что ни на есть дорогом и шикарном воплощении. Без любви к человеку, к людям — жизнь не жизнь. Кто знает, отчего кипит белоцветьем весной абрикосовое дерево? Не от любви ли и признательности к садоводу, что поил его водой, к природе, что ласкала ветром и согревала солнышком...

Хачатуряновская музыка — она и есть великая любовь к человечеству, с кружением сердца, как сказал бы Герцен, его мгновенными озарениями, безбрежной широтой духа. Его притягивали темы крупные, значимые, мировые. В одном из писем, написанных в сороковом году, Арам Ильич признается: *«Большой театр терзает меня и предлагает оперу «Хаджи-Мурат» по Толстому или балет «Спартак». И то и другое очень интересно, не знаю, как быть».*

Не миновали его слабости простого смертного, усмехаясь, он признается в них ереванскому родственнику: *«Все старики одинаковы. Все чего-то просят, чего-то хотят. У меня все эти некрасивые вещи от старости. Мне всего мало.*

Теперь, когда я осудил себя, я могу кончить письмо».

В музейной комнате, специально оборудованной, можно послушать любое хачатуряновское произведение, известные сочинения зарубежных классиков. Туда я направился после прочтения письма, отправленного Демичеву, кандидату в члены Политбюро, 6 мая 1975 года — душа потянулась к иной философии, иному слогу, иным чувствам.

«Дорогой Петр Нилович!

К тридцатилетию Победы по заказу Министерства культуры СССР я написал «Торжественную фанфару» для 32 труб и 12 барабанов. Характер этой музыки: это музыкальная преамбула, это возвещение о начале чего-то большого. Это и сосредоточение внимания. Это не трубные сигналы, а четырехголосая музыка, там есть темы, их развитие и запоминающиеся мелодии.

Зрительно это должно выглядеть очень красиво. 32 солдатика становятся в один ряд, а за ними 12 барабанов с двумя различными партиями. Это сочинение слушали Хренников, Вартанян, Саква».

Трубы и барабаны... Музыка на злобу дня. Инструментарий массового воодушевления. Гнет обертонов, отсюда — конфуз лирической души, смущение ранимой совести.

И я приник ухом и сердцем ко Второй симфонии Арама Хачатуряна, где темой проходит обработка фольклорного мелоса «Братец-охотник», родниковой чистотой манящая к библейским далям, к эпическому величию и простоте переживаний.

Его музыка — явление, его письма — подробности к этому явлению.

● **Иосиф ВЕРДИЯН, наш соб. корр. Ереван,**

Фотографии из семейного архива А. ХАЧАТУРЯНА